

А.М.РЕШЕТОВ

**Николай Николаевич Козьмин:
основные направления научной деятельности**

Одной из интереснейших личностей восточносибирской историко-этнографической науки является Николай Николаевич Козьмин. В последние годы его имя начинают все чаще вспоминать в научной литературе. Мы не ставим перед собой задачу определить как значение работ Н.Н.Козьмина для современной науки (по этому поводу могут быть разные точки зрения), так и его место в истории науки. Наша цель — дать уточненные факты биографии ученого, проследить основные направления его многогранной научной деятельности, вспомнить хотя бы часть его работ.

Николай Николаевич Козьмин родился 23 февраля (ст. ст.) 1872 г. в Красноярске, крещен в церкви Всех Святых 22 марта¹. Отец его, Николай Иванович Козьмин, учился в Московском университете, работал преподавателем географии Иркутской гимназии, а затем преподавал историю и географию в Красноярской губернской гимназии. Оставив работу в учебном заведении, он занял должность бухгалтера Горного отделения Главного управления Восточной Сибири. 6 октября 1884 г. коллежский асессор Н.И.Козьмин был уволен в отставку, а через две недели семью постигло несчастье — кормилец скончался. Мать, Анна Федоровна, осталась с четырьмя детьми на руках (помимо Николая еще были сын Иван и дочери Алевтина и Ольга) без средств к существованию. Семья жила за счет дохода с дома, а он был невелик — всего 15 рублей в месяц².

Первенец Николай один год учился в Красноярской, а последующие восемь лет — в Иркутской губернской гимназии. Мальчик занимался старательно и по всем предметам имел только отличные оценки, не давалась лишь гимнастика... «Во внимание к постоянно отличному поведению и прилежанию и к отличным успехам в науках, в особенности же по русскому языку, древним и французскому языкам, — говорилось в его личном деле, — Педагогический совет постановил наградить его серебряной медалью и дать ему (Н.Н.Козьмину. — *Л.Р.*) аттестат... За полученное

воспитание на казенный счет Николай Козьмин обязан прослужить шесть лет в одной из сибирских губерний по гражданской или учебной части Министерства народного просвещения...»³.

Было решено послать Козьмина на учебу в столичный Университет. В связи с этим директор Иркутской гимназии И. Румов 28 июня 1891 г. обратился к ректору Университета с прошением:

«Ваше Превосходительство,

Милостивый государь Михаил Иванович!

В Петербургский Университет отправился окончивший курс учения в Иркутской гимназии с серебряной медалью Николай Козьмин.

Рекомендуя вниманию Вашего Превосходительства этого молодого человека, честь имею сообщить о нем следующие данные: способности он имеет очень хорошие, к занятиям всегда относился серьезно и аккуратно. Наибольшие склонности он обнаружил в течение учебного курса к языкознанию и литературе. По внешности он неуклюж и неловок в манере, замкнут в себе. Это объясняется отчасти условиями жизни в детстве при жизни отца, неудачливого по службе. Затем в пансионе он долгое время (до 4-го класса) страдал болезнью... которая угнетающим образом действовала на его душу и заставила держаться изолированно от товарищей. Это обстоятельство в значительной степени вредно влияло на его характер и душенстроение. Вообще же он юноша хорошего направления, и я усерднейше прошу не отказать ему в своем ласковом слове и поддержке его в университете выдачею ему при первой же возможности стипендии, т.к. он совершенно бедный человек. На проезд отсюда и проживание в Петербурге ему даны средства отчасти от гимназии, а больше от здешнего общества пособия учащимся. Смею думать, что из него может выйти хороший ученый...

Примите уверения в глубоком уважении и совершенной преданности

Покорнейший слуга И.Румов»⁴.

Пожалуй, следует добрым словом помянуть директора гимназии, столь чутко отнесшегося к судьбе талантливого юноши, в будущее которого он поверил, несмотря на его бедность, болезненное состояние, замкнутый характер. Этот документ мы привели почти полностью, потому что он и сегодня трогает нас человечностью, заботой о воспитаннике, стремлением вырастить нужного отечеству специалиста. Распорядительный комитет Общества для оказания пособий учащимся в Восточной Сибири в марте 1892 г. также ходатайствовал за Н.Козьмина перед ректором Университета, указывая, что он существует частными уроками, помощи из дома не получает и по своей бедности вносить

плату за слушание лекций не может⁵. Университет пошел навстречу талантливому студенту и освободил его от платы за обучение.

На историко-филологическом факультете Университета Николай Козьмин слушает лекции у таких крупных ученых, как В.И.Ламанский — по славяноведению и истории славян, А.И.Соболевский — по церковнославянскому языку, С.К.Булич — по введению в языкознание, С.Ф.Платонов — по русской истории, Н.И.Кареев — по новой истории и истории XIX в., А.С.Лаппо-Данилевский — по истории России XVIII в., и др. В свидетельстве за № 851 от 2 мая 1896 г. об окончании историко-филологического факультета сказано, что он также слушал курсы по греческому и латинскому языкам, греческой и римской литературе, греческой и римской истории, греческим и римским древностям, философии, теории и истории искусств, всеобщей и русской истории, истории церкви и т.д.⁶. Все это дает право утверждать, что Н.Н.Козьмин получил прекрасную историко-филологическую подготовку. Университет по достоинству оценил заслуги студента, добившегося впечатляющих успехов, и ходатайствовал перед министром народного просвещения об освобождении Н.Н.Козьмина в числе других выпускников от обязательной службы в министерстве за полученную им обязательную стипендию. Министр удовлетворил это прошение⁷.

После окончания столичного Университета Козьмин поехал на работу в Восточную Сибирь, где занимался вопросами переселений и поземельного устройства. Одновременно молодой человек пробовал свои силы и в науке, принимая участие в деятельности различных научно-общественных организаций и сотрудничая в местной прессе. В конце XIX — начале XX в. он печатал свои статьи и заметки в таких изданиях, как «Восточное обозрение», «Сибирь», «Сибирская жизнь», «Степной край» и т.д., под псевдонимом Ландарма, Номчи и др. В это время он сближается со многими видными представителями восточносибирской интеллигенции и становится одним из активных деятелей сибирского областнического движения⁸. Даже в первые послереволюционные годы Н.Н.Козьмин продолжал стоять на прежних позициях и, выражая стремление областников к местному самоуправлению, призывал к борьбе с центром⁹.

До революции Козьмин заявил о себе как разносторонний и серьезный исследователь прежде всего истории Восточной Сибири. Некоторым итогом его научной деятельности явился сборник статей, публиковавшихся прежде в различных изданиях. Здесь в первую очередь следует назвать такие работы, как «Хлеб за ясак», «Администрация государевой пашни в Сибири в

XVII в.», «Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губернии», «К постановке аграрного вопроса в Иркутской губернии», «М.В.Загоскин и его значение в истории развития сибирской общестственности» и др.¹⁰. Историко-этнографическое направление его научной деятельности этого периода представлено исследованиями о Туве и тувинцах¹¹.

Много трудностей пришлось пережить Н.Н.Козьмину в годы революции и гражданской войны. Летом 1920 г. он был арестован семеновцами в Агинском аймаке и увезен в Читу, но, к счастью, вскоре был освобожден. К этому времени подоспело предложение из Харбина приехать туда для культурно-просветительской и журналистской работы. В том же году он прибыл в Маньчжурию, где сразу же занялся активной общественной деятельностью: состоял редактором и членом редколлегий популярных в Харбине газет «Вперед» и «Россия», журнала «Рабочее дело», как один из руководителей принял деятельное участие в организации и работе Общества изучения Маньчжурского края.

В 1922 г. Николай Николаевич получил приглашение из Бурятии на должность консультанта по экономическим вопросам. Осенью 1923 г. он приехал в Верхнеудинск, столицу Бурят-Монгольской автономной области, где в течение двух лет разворачивалась его многогранная практическая и научная деятельность: он работал заместителем наркома земледелия, заместителем председателя Госплана Бурят-Монгольской АССР, членом правления Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова, писал научные труды, активно сотрудничал в журнале «Жизнь Бурятии» и т.д.¹². О характере деятельности в Верхнеудинске (с 1934 г. — Улан-Удэ) дают представления такие его работы, как «Бурятия в географическом и экономическом отношении» (Верхнеудинск, 1924) и «Основы капитального строительства Бурятии» (Верхнеудинск, 1926).

В начале 20-х годов в Верхнеудинске ученый подготовил к изданию работу известного бурятского этнографа М.Н.Богданова, расстрелянного в 1919 г. белогвардейцами атамана Семенова. Для этой работы («Очерки истории бурят-монгольского народа») им был написан ряд глав. Книга была издана в 1926 г. Бурят-Монгольским научным обществом имени Д.Банзарова. Бережное отношение к незавершенной работе коллеги, к увековечению его памяти достойно характеризуют Н.Н.Козьмина как личность. Маньчжурский и бурят-монгольский периоды в жизни Николая Николаевича, несмотря на кратковременность, представляются важными и, безусловно, заслуживают специального рассмотрения.

В 1924 г. Козьмин переезжает в Иркутск, где становится профессором кафедры краеведения в местном университете и педа-

Н. Н. Козьмин. 1925 г.

гогическом институте, заместителем председателя Бурят-Монгольского научного общества имени Д.Банзарова, председателем бурят-монгольской секции Восточно-Сибирского отдела РГО и т.д. Сферой своих научных интересов он называет историю и хозяйство Сибири, историко-этнографические исследования¹³. С Иркутском связан самый плодотворный в научном отношении этап жизни Н.Н.Козьмина. Здесь он не только преподавал в университете и педагогическом институте, но в 1927—1928 гг. состоял директором Иркутского Государственного музея, активно сотрудничал в таких периодических изданиях, как «Сибирские записки», «Сибирская живая старина», «Известия Восточно-Сибирского отдела РГО», «Жизнь Бурятии» и др., работал в местных отделениях РГО и Общества краеведов, написал основные научные труды по различным вопросам науки. Здесь в полной мере проявилась и реализовалась широта научных инте-

ресов этого яркого, самобытного ученого, одного из крупнейших сибирских этнографов, историков, географов, краеведов.

Н.Н.Козьмин явился если не первым, то одним из первых исследователей хакасов, опубликовав свои работы об этой народности уже в первые годы после революции¹⁴. Как известно, в литературе местные разноэтническое тюркоязычное население Минусинского края называли минусинскими татарами или абаканскими турками. «Когда настал момент национального объединения, то туземная интеллигенция обратилась к тому далекому времени, когда, по китайским источникам, туземцы края были объединены в государстве Хакасов. Она так и назвала свой народ»¹⁵. Хотя Козьмин и с осторожностью отнесся к предположению, что термин хакас — китайская транскрипция этнонима кыргыз¹⁶, тем не менее он именно кыргызов рассматривает как предков хакасов. Кыргызы издавна создали свою государственность, которая играла в их истории определенную роль. Козьмин рассматривал противодействие кыргызов попыткам покорить их как борьбу за сохранение независимости¹⁷. Эту точку зрения позднее поддержал С.В.Бахрушин¹⁸, но резко осудил Л.П.Потапов¹⁹.

Можно предполагать, что почти за 70 лет, прошедших после выхода в свет рассматриваемой книги, накоплен немалый новый материал, который дает исследователям возможность обосновать и иные подходы к проблемам происхождения и этнической истории кыргызов, существования их государственности, специфики социально-экономического строя и т.д. Однако несомненно, что книга Козьмина о хакасах заняла достойное место в истории науки. Очевидно, пришло время пересмотреть те негативные оценки этой работы, которые прежде давались в литературе в духе требований времени. Едва ли справедливо обвинять Козьмина в националистическом подходе²⁰. Сегодня уже с точки зрения истории науки исключительный интерес вызывает раздел книги о двух хозяйственных типах: земледельческом на правобережье и скотоводческом на левобережье. Тонкий анализ специфики хозяйственной деятельности представителей этих двух хозяйственных типов невольно заставляет вспомнить учение о хозяйственно-культурных типах, которое позднее было четко сформулировано в трудах М.Г.Левина и Н.Н.Чебоксарова²¹.

Само собой разумеется, что хозяйственно-культурные контакты разных этнических групп в Минусинском крае Козьмин объясняет в духе существовавших тогда социально-исторических концепций. Хакасы, хотя и «небольшая, но жизнеспособная, даровитая турецкая племенная группа, сумевшая отстоять себя на протяжении 300 лет в чрезвычайно трудной материальной и

культурной обстановке»²², — с этих позиций и создавалась эта книга. Она обращена к широкому читателю и призвана дать самые общие научные представления по истории, этнографии и экономике края. Пожалуй, нелишним будет напомнить, что эта небольшая монография Козьмина о хакасах была издана Иркутской секцией научных работников Рабпроса в краеведческой серии, выходявшей под редакцией проф. М.К.Азадовского²³.

Ряд работ Н.Н.Козьмин посвятил изучению этнографии якутов. Его точка зрения о происхождении этого народа²⁴ встретила негативную реакцию со стороны такого крупного специалиста, как Г.В.Ксенофонов, придерживавшегося иных взглядов на этническую историю якутов²⁵. Интересен его отклик на активно дебатировавшийся тогда вопрос о возможностях расширения границ Якутской автономной республики до Охотского побережья с таким выводом: «Перед нами не историческая и этнографическая, а экономическая проблема»²⁶. В своих исследованиях Козьмин умело сочетал историко-этнографический и географо-экономический подходы.

В советской науке сформировалось устойчивое представление, что проблема феодальных отношений у кочевников впервые выдвинута и разрабатывалась акад. Б.Я.Владимирцовым²⁷. Споры нет, именно этот выдающийся ученый внес заметный вклад в обоснование теории кочевого феодализма, опубликовав в 1934 г. свою монографию «Общественный строй монголов»²⁸. Он критически проработал колоссальный материал, отобрал для обоснования своей концепции наиболее надежные факты. Однако следует иметь в виду, что и до выхода в свет книги Владимирцова появлялись работы, в частности П.Погорельского²⁹, П.Т.Хаптаева³⁰, Л.П.Потапова³¹, в которых на другом материале уже рассматривалась проблема феодальных отношений у кочевников. В тот же год, что и монография Б.Я.Владимирцова, увидело свет исследование по данной проблеме Н.Н.Козьмина³²; оно сразу же было замечено и положительно оценено научной общественностью, о чем свидетельствуют рецензии, появившиеся в печати³³.

В советской историко-этнографической науке в конце 20-х — 30-х годах оживленно дебатировались вопросы формационной принадлежности различных этносов страны. Это, с нашей точки зрения, было связано, во-первых, с практическими задачами социалистического строительства, прежде всего в районах Севера, Дальнего Востока, Южной Сибири и Средней Азии, во-вторых, с подъемом национально-освободительного движения в странах зарубежного Востока, в-третьих, с утверждением марксистско-ленинской методологии в отечественной науке. Уже тогда большинство наших ученых вставали на позиции безоговорочного

признания пяти поступательно сменяющих друг друга в обязательной последовательности социально-экономических формаций.

Н.Н.Козьмин, доказывая существование феодализма в Монголии и Южной Сибири уже с I тысячелетия н.э. как формации с делением на соответствующие классы, с феодальной эксплуатацией, основанной на владении землей и внеэкономическом принуждении, обоснованно утверждал тезис о переходе рассматриваемых им обществ от доклассовой формации к феодализму, минуя рабовладение. Такая позиция иркутского профессора уже сама по себе заслуживает уважения и высокой оценки, так как она демонстрирует его самостоятельность, последовательность и принципиальность. Его вывод, что эти общества не являются доклассовыми, был особенно важен для решения конкретных задач социально-экономических преобразований в 20—30-е годы. Конечно, этому исследованию присущи определенные недостатки, которые сразу же были замечены рецензентами³⁴. Так, утверждая наличие феодального способа производства в Монголии и Бурятии, автор не уделил внимания анализу надстроечных категорий, по существу уклонился от рассмотрения причин сохранения почти в течение двух тысячелетий феодализма в этом регионе, не разработал вопрос о феодальной ренте и т.д. К работе Козьмина предъявляют претензии и современные специалисты³⁵. Но справедливо ради заметим, что эти вопросы до сих пор остаются дискуссионными в отечественной литературе, даже сама идея формационной принадлежности кочевнических обществ продолжает быть предметом ожесточенных споров. Мы согласны с первым рецензентом труда Козьмина, известным монголоведом В.А.Казакевичем, который не только однозначно приветствовал появление этой книги, но и выделил ее «как явление особого порядка»³⁶. Сегодня нам особенно ясно, что монография Н.Н.Козьмина о турецко-монгольском феодализме стоит в одном ряду с трудами таких исследователей, как Б.Я.Владимирцов, Л.П.Потапов и др., которые впервые в нашей науке разработали концепцию феодализма у кочевых народов Сибири и Центральной Азии, и в этом ее большое историческое значение.

К проблеме классового характера древних кочевнических обществ Козьмин обращался на самом различном конкретном материале³⁷. Можно предположить, что в этом сказывалась общая атмосфера научного поиска в стране, обязанность ученых овладевать марксизмом-ленинизмом как основополагающей научной методологической теорией. Стоять в стороне от этого процесса было почти невозможно, да и опасно, и большинство ученых сознательно шли на применение в своих конкретных исследованиях этого метода, видя в нем прежде всего достоинства.

Вполне отчетливо это проявилось в дискуссии о феодализме у кочевников, организованной в Улан-Удэ в июле 1934 г. Попутно заметим, что эта дискуссия состоялась до знакомства ее участников с известной монографией акад. Владимирцова. Уже во вступительном слове А.В.Шестакова и основном докладе П.Т.Хаптаева «Спорные вопросы исторического процесса Бурято-Монголии» был задан критический тон в отношении тех, кто в той или иной степени сомневался в пятичленном делении исторического процесса, отрицал наличие первобытности или феодализма у монгольских и тюркских народов. Козьмина на этом собрании причислили к тем ученым, которые на огромном этнографическом и отчасти историческом материале по скотоводческому периоду рисовали «совершенно определенно феодальные отношения, развернувшиеся на захвате земельных пастбищ верхушечными слоями общества. Господствующий класс был организован по принципу феодальной иерархии, причем крупные феодалы владели сотнями тысяч голов скота»³⁸.

Н.Н.Козьмин, выступавший первым в дискуссии, подробно изложил свои взгляды на историческое прошлое кочевников. Он безоговорочно отстаивал идею феодализма у местных сибирских народов и доказывал, что «нельзя рассматривать народы, пережившие эту сложную историю, как каких-то первобытных младенцев, вышедших только что из колыбели»³⁹. Вместе с тем Николай Николаевич не только скептически относился «к взглядам на существование родового строя в пределах исторического существования сибирских народностей», но и прямо утверждал: «Нужно категорически сказать, что исторических материалов, относящихся к тем стадиям общественного развития, которые характеризуются укладами доклассовой общественной структуры, мы для турок, монголов и тунгусов не найдем. Все эти группы народов жили на исторической памяти в условиях классового общества. Исторические материалы, относящиеся к ним, отображают сложную классовую структуру, сложные классовые отношения»⁴⁰.

Пожалуй, в этом высказывании содержится даже завышение уровня развития феодальных отношений у аборигенов Сибири. Возможно, это реакция ученого на обвинения историков-марксистов в недооценке им классового деления общества скотоводов. Отвечая своим оппонентам, Козьмин говорил: «Мои ошибки, которые я и признал, заключались вовсе не в том, что я отрицал классовое расслоение, а в неправильных методологических установках, в силу которых я не усваивал в борьбе классов того методологического значения, которое отводится ей в марксистско-ленинском учении»⁴¹. Очевидно, стремление овладеть

этим учением в духе требований времени приводило Николая Николаевича и к таким прямолинейным выводам, как «письменность возникает одновременно с государством»⁴².

Занимаясь историей науки в Восточной Сибири, Козьмин заинтересовался такими яркими личностями, как А.П.Щапов и Д.А.Клеменц, которым он посвятил специальные работы⁴³. Являясь историком широкого профиля, Николай Николаевич включал в круг своих научных интересов и составление библиографических и историографических обзоров по отдельным проблемам. Так, в 1901 г., т.е. в самом начале своей научной деятельности, он собрал и проработал большую литературу по истории пугачевщины в Сибири⁴⁴, в 1926 г. — по истории бурятского народа (200 названий)⁴⁵, в 1928 г. — по истории изучения сибирской промышленности в связи с историей ее развития⁴⁶. Немалый интерес для науки представляют мемуары бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири С.Б.Броневского, которые исследовал Козьмин. Броневский служил в Сибири в 1808—1837 гг., в том числе последние два года — генерал-губернатором. Умер он 14 февраля 1858 г. в отставке. Очевидно, его деятельность в Восточной Сибири не устраивала определенные круги столичной бюрократии. Броневский прекрасно владел ситуацией, поэтому его записки, охватывая значительный период жизни сибирского общества, имеют большой познавательный интерес. Козьмин, заключая рассмотрение мемуаров Броневского, писал: «Перед нами прошла трагедия тяжкого, огромного труда, затраты больших способностей на непосильную борьбу с нестроениями и злом, вызывавшимся несостоятельной административной системой, накопленными веками злоупотреблениями, с тысячами мощных мелочей, трагедия, имеющая такую печальную для действующего лица развязку»⁴⁷. Таким образом, Николай Николаевич интересовался не только судьбами отдельных талантливых личностей, не только историей народных движений, но и историей хозяйства. Все это дает право говорить о Козьмине как о крупном историографе Восточной Сибири.

Одна из ярких работ Николая Николаевича посвящена рассмотрению деятельности ВСОРГО с момента его образования в ноябре 1851 г. в Иркутске⁴⁸. 17 ноября 1851 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев открыл Отдел, собрав в своем доме всех наличных членов Географического общества, живших в Иркутске. Первым председательствующим был избран иркутский губернатор К.К.Венцель. Козьмин в этой юбилейной статье подробно проследил историю деятельности ВСОРГО.

Созданием Отдела были объединены для совместной плодотворной работы ученые-специалисты и исследователи-любители.

Они получили возможность встречаться, обмениваться научными идеями и публиковать свои труды, делая их общим достоянием. Вместе с тем Отдел откликнулся и на нужды администрации Восточной Сибири. «Таким образом... Отдел во многих отношениях, представлял из себя **ученый комитет** при Главном Управлении Восточной Сибири и **научное бюро**»⁴⁹. Одним из типичных представителей этого периода был князь Н.А.Костров, проводивший успешные этнографические, статистические и археологические изыскания и опубликовавший по самым различным вопросам большое количество статей и заметок. Среди ученых, работавших в Восточной Сибири, Н.Н.Козьмин особо выделяет П.А.Ровинского и А.П.Шапова. «Оба ученых явились в Сибирь с вполне сложившимся мирозерцанием и большой научной подготовкой. Это не были простые собиратели сырого материала. В своих исследованиях они искали ответов на определенные вопросы»⁵⁰. Так, Ровинского интересовали вопросы изменения русской народности в Сибири в процессе общения с аборигенами края — носителями другой культуры и выработки нового своеобразного типа. В не меньшей степени эти же проблемы волновали и Шапова. Если первый в целях сбора материала обследовал различные группы, живущие на громадной территории вокруг оз. Байкал, то второй предпочитал стационарный этнологический метод. «Собирать факты и подмечать крупные и мелкие черты народной жизни — и это труд не легкий; но уметь, кроме того, обобщать эти факты и выводить законы из наблюдаемых явлений — это работа одних только недюжинных умов»⁵¹, — так словами Козьмина характеризовали современники метод работы Шапова.

Полевые этнографические исследования проводились на громадной территории края и в сопредельных странах.

Важными для этнографической науки акциями Н.Н.Козьмин называет исследования землепользования и хозяйственного быта населения Восточной Сибири и Якутскую (Сибиряковскую) экспедицию. Последнее предприятие было организовано при активнейшем участии Д.А.Клеменца. Достаточно назвать имена — Э.К.Пекарский, В.И.Иохельсон, В.Г.Богораз, И.И.Майнов, — чтобы понять ее значение. Крупный вклад в изучение этнографии края внесли такие известные ученые, как Н.М.Ядринцев, Н.Н.Агапитов, М.Н.Хангалов, И.А.Подгорбунский, Г.Н. и А.В.Потанины, Д.А. и Е.Н.Клеменц, А.В.Адрианов, М.Н.Мартьянов и многие другие. Отдел способствовал распространению научных сведений о крае и народах, его населяющих, путем чтения публичных лекций.

При Отделе была основана библиотека. Ему был передан созданный в 1782 г. при Главном управлении Восточной Сибири

Музей естественных предметов, к тому времени насчитывавший в своем собрании до 650 экспонатов. Музей успешно осуществлял просветительские функции и стал хранилищем ценнейших коллекций.

Заканчивая обзор деятельности Отдела, Козьмин написал слова, которыми и нам бы не следовало пренебрегать, занимаясь научной деятельностью (*далее курсив ред.*): «Наше Общество никогда не забывало о культе научного знания. *Наука не должна быть рабом преходящих интересов дня и изменчивых настроений. Не всегда может она отвечать на вопросы жизни, — и много ответов у нее приготовлено не для настоящего. Но отзывчивая и чуткая, она прислушивается к биению жизни.*

Зажигая светоч истины для освещения нашей бедной и темной будничной обстановки, она на вопросах повседневности строит свои вечные проблемы. Ведь сама наша жизнь, во всех ее мелочах, не есть ли хотя и ничтожная, часть того великого, охваченного необъятным и необъяснимым движением целого, самым высоким и дивным отзвуком которого является вечно развивающаяся и зиждущая мысль»⁵².

Как отмечалось уже выше, Н.Н.Козьмин и сам активно работал в ВСОРГО. В 1900—1906 гг. он состоял правителем дел Отдела. В дальнейшем неизменно входил в состав его руководства. Когда в Москве 25 декабря 1926 г. проводилось заседание, посвященное 75-летию ВСОРГО, Козьмин был избран в почетный президиум⁵³. Этот факт, безусловно, является свидетельством признания больших заслуг Николая Николаевича перед наукой.

Деятельно трудился Козьмин и на ниве краеведения. Еще в 1924 г. он был избран членом-корреспондентом Центрального Бюро краеведения⁵⁴. В период подготовки к Первому Восточно-Сибирскому краеведческому съезду была выпущена однодневная предсъездовская газета «Краеведческий труд», в которой появилась статья Козьмина «Краеведческая организация Бурят-Монгольской АССР»⁵⁵. На съезде он прочитал два запланированных программой доклада: «О деятельности научных организаций Бурятии (Научное общество им. Д.Банзарова, Верхнеудинский музей, Библиотека при Научном обществе, издательская деятельность и т.д.)» и «Задачи изучения туземных народностей Восточной Сибири», а вне программы — «Методы научной работы в краеведении»⁵⁶. Значительный вклад в изучение бурятского краеведения внес Николай Николаевич как редактор журнала «Жизнь Бурятии» и бурятоведческих сборников. Его статьи появлялись и в журнале «Северная Азия», издававшемся в Москве Обществом изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока. Козьмин явился организатором и первым председателем Бу-

рят-Монгольской секции ВСОРО в Иркутске, сыгравшей большую роль в изучении истории и этнографии бурятского народа⁵⁷.

Научные заслуги Н.Н.Козьмина нашли достойное признание в избрании его 19 апреля 1927 г. почетным членом Бурят-Монгольского общества имени Д. Банзарова, позднее — Восточно-Сибирского отдела и Троицкосавского отдела РГО, действительным членом Ассоциаций востоковедения (Москва) и татароведения (Казань), Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете и других научных организаций.

Признание научного авторитета проф. Козьмина проявилось и в привлечении его к созданию различного рода энциклопедий. Особо надо отметить его деятельность в «Сибирской Советской Энциклопедии», издававшейся в конце 20-х — начале 30-х годов в Новосибирске. В томе I (1929 г.) Козьмин — один из редакторов отдела «Население, народности (антропология, этнография и лингвистика)» и один из авторов; в томе II (1931 г.) — член редколлегии всего тома, один из редакторов отделов «Население (народности)» и «История (история и археология)» и один из авторов; в томе III (1932 г.) — редактор отдела «Народности, история классово-борьбы» и один из авторов. К сожалению, последующие тома не вышли⁵⁸. К участию в «Сибирской Советской Энциклопедии» Н.Н.Козьмин привлекал многих видных ученых, например, В.Н.Харузину, В.А.Казакевича, Г.М.Василевич, М.П.Грязнова, Е.П.Орлову и др. Предполагалось участие Козьмина как автора статей по сопредельным областям в создании «Энциклопедии Дальневосточного края»⁵⁹.

Проф. Козьмин обладал недюжинной эрудицией. Он постоянно следил за литературой по специальности, выходящей как на русском, так и на иностранных языках. Ему принадлежат переводы некоторых важных сочинений по истории и этнографии народов Сибири. Будучи не удовлетворен качеством перевода одной из работ акад. В.В.Радлова, Николай Николаевич сделал ее новый перевод⁶⁰. Важно отметить, что современные исследователи отдают предпочтение этому переводу⁶¹. Козьмин ввел в отечественную науку монографию К.Оссона по истории монголов⁶². Пожалуй, это была последняя работа, увидевшая свет при его жизни.

23 августа 1937 г. профессор Иркутского педагогического института Н.Н.Козьмин был арестован УНКВД Восточно-Сибирской области по обвинению в том, что он якобы являлся японским шпионом и участником контрреволюционной белогвардейской организации⁶³. 21 августа 1938 г. Николай Николаевич умер в больнице Иркутской тюрьмы от декомпенсации сердца⁶⁴.

28 августа 1938 г. дело в отношении Н.Н.Козьмина постановлением УНКВД по Иркутской области было прекращено в связи с его смертью. В настоящее время проф. Козьмин признан невиновным и реабилитирован⁶⁵.

В 1997 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Николая Николаевича Козьмина. Он самоотверженно служил Родине и науке. Его имя стоит в одном ряду с именами таких крупных исследователей истории и этнографии Сибири, как Г.Н.Потанин, Д.А.Клеменц, А.В.Адрианов, Б.Э.Петри, Г.С.Виноградов, М.К.Азадовский, и многих других ученых, создавших и поддерживавших высокие традиции отечественного сибиреведения. Его научная деятельность была связана со многими городами Сибири и Дальнего Востока — Иркутском, Верхнеудинском (Улан-Удэ), Красноярском, Читой, Харбином. В том, что Иркутск в 20—30-е годы стал крупным научным центром всесоюзного масштаба, безусловно, есть и заслуга Козьмина. Особо следует отметить его вклад в становление и развитие науки в Верхнеудинске. Как университетский профессор Николай Николаевич в немалой степени способствовал культурному развитию края. Его работы были посвящены проблемам истории и этнографии Бурятии, Минусинского края, Тувы, Якутии, общим проблемам Восточной Сибири и т.д. Для всех его трудов была характерна тесная связь с вопросами экономического строительства и переустройства быта аборигенных народов Восточной Сибири, забота и заинтересованность в их судьбах. К сожалению, сейчас еще не составлен сколько-нибудь полный список его трудов.

Значение научной деятельности Козьмина отмечали и высоко ценили его современники⁶⁶. Конечно, не все его работы и научные концепции выдержали проверку временем, и это естественно: иначе бы не было поступательного движения науки. С накоплением новых данных появилось и новое освещение проблем, разрабатывавшихся в свое время Козьминым. Но и сегодня его исследования, отражающие определенный этап в научном познании истории и этнографии Восточной и Южной Сибири, привлекают внимание ученых⁶⁷.

Вместе с тем в научном наследии Николая Николаевича есть труды, по-настоящему не оцененные или попросту забытые. Такая судьба, к несчастью, постигла, с нашей точки зрения, одно из его интереснейших произведений, посвященных анализу роли производственного фактора в этнических процессах⁶⁸. Он одним из первых этнографов четко сформулировал положение о влиянии хозяйственной деятельности, формируемой под влиянием особых природных условий, на самосознание людей: «Человек

настолько привыкает видеть себя в повседневной хозяйственной обстановке, что по ней часто называет и себя, и своих соседей»⁶⁹. Так, разноэтничное население Алтая и Саян называет себя «пыш-кижи» (чис-кизи), что означает «таежные», «черновые» люди, поскольку все их хозяйство и быт, все аспекты жизни определяются их проживанием в горной тайге. Среди скотоводов четко выделяются земледельцы таряшин у бурятов, тарячин — у халха, таранчи — уйгуры-землепашцы и т.д. Эта работа Козьмина и сегодня заслуживает внимания этнографов не только как факт истории науки, но и как отправная точка для дальнейшей разработки проблемы влияния этнического и производственного фактора на формирование самосознания той или иной группы и хозяйственно-культурной дифференциации в зависимости от природных условий. Как мне представляется, проф. Козьмина вполне можно считать одним из этнографов—предшественников создателей теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей. Хорошо понимая комплексный характер проблемы, важное теоретическое и практическое значение этнологических исследований, он предполагал организовать при Иркутском университете Антрополого-этнологический институт⁷⁰.

В своих работах Козьмин неизменно доказывал факт существования богатой самобытной культуры местных народов Сибири. «Огромные собрания эпоса, произведений так называемого народного творчества турецких и монгольских народностей, составленные Радловым, Катановым, Жамцарано, Барадийном и др., разрушили начисто тот научно-литературный предрассудок, согласно которому туземцы были погружены в умственную и нравственную спячку и были лишены творческих сил. Перед взорами европейских ученых вскрылась колоссальная работа поэтического творчества и картины вековых дум над национальным прошлым и народными судьбами»⁷¹. «Моя мысль, что сибирские инородцы не дети природы, с которыми надо нянчиться. Они не менее культурны, чем, скажем, русские. Пропать между культурной Азией и севером Азии я пытаюсь засыпать»⁷².

Всю свою жизнь, день за днем Н.Н.Козьмин целеустремленно трудился, разрабатывая сложные неизведанные страницы истории Центральной Азии. «Почти каждая моя работа по истории дает что-то новое... Я думаю, что мало сделал, но все-таки моя будет некоторая заслуга в привлечении научного внимания к центральноазиатской истории и попытке связать ее с западноевропейской»⁷³. Сказано с завидной скромностью, но с большим достоинством и точным осознанием сделанного.

Отечественная историография, к сожалению, продолжает видеть в лице Козьмина «одного из видных и оригинальных историков буржуазного направления, во взглядах которого в начале 30-х гг. отчетливо наметился перелом к марксизму», «сибирского буржуазного областника», члена «Сибирского белогвардейского правительства в 1918—1919 гг.», «белоэмигранта в Харбине», «националиста» и т.д.⁷⁴. По-прежнему сильна тенденция давать ему оценки вне контекста того времени, отсутствует стремление провести объективный неполитизированный анализ его научного наследия. Поэтому актуальной задачей отечественной исторической науки является создание специальной монографии, посвященной жизненному пути и творческому наследию Н.Н.Козьмина.

Николай Николаевич Козьмин погиб, когда ему было 66 лет⁷⁵. Для историка и этнографа это еще время расцвета творческой деятельности. Вне всякого сомнения, он бы еще много полезного мог сделать в науке, но судьба и время распорядились иначе.

¹ Центральный государственный архив СПб. Ф. 14, оп. 3, д. № 28410. Дело Императорского С.-Петербургского университета о студенте Николае Николаевиче Козьмине, л. 4. В литературе встречается другая дата рождения — 16 марта. См.: Наука и научные работники СССР. VI. Научные работники без Москвы и Ленинграда. Л., 1928, с. 178. По новому стилю Н.Н.Козьмин родился 6 марта. Вполне вероятно, что в указанное издание вкралась опечатка: 16 марта вместо 6 марта.

² Там же, л. 7—16, 21.

³ Там же, л. 3.

⁴ Там же, л. 1.

⁵ Там же, л. 21, 22.

⁶ Там же, л. 16, 34—35, 41—42, 63.

⁷ Там же, л. 68.

⁸ *Козьмин Н. Н.* — Сибирская Советская Энциклопедия. Т. II. Новосибирск, 1931, стб. 796. Об областничестве в Сибири существует довольно значительная литература, хотя представляется, что в отечественной исторической науке всесторонней оценки это движение до сих пор не получило.

⁹ Подробнее см.: *Козьмин Н. Н.* Областничество. — Сибирские записки. Красноярск, 1918, № 1, с. 40—54; *Степанов Н. П.* А.Словцов (У истоков сибирского областничества). — Известия Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера. Вып. 1. Л., 1935, с. 32—34; *Сесюнина М. Г.* Г.Н.Потанин и Н.М.Ядринцев — идеологи сибирского областничества. Томск, 1974; *Сигалаев А. М., Крюков В. М.* Г.Н.Потанин: Опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991.

¹⁰ Подробнее см.: *Козьмин Н. Н.* Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910.

¹¹ См., например: *Козьмин Н. Н.* Тува. — Сибирские записки. 1918, № 1, с. 23—49.

¹² Об этом периоде см.: Литературное наследство Сибири. Т. 1. Новосибирск, 1969, с. 264; *Абрамсон М.* Общество изучения Маньчжурского края. — Новый Восток. 1922. № 2, с. 729; *Козьмин Н. Н.* — Сибирская Советская Энциклопедия. Т. II, стб. 796. По вопросу о времени эмиграции Н. Н. Козьмина в Маньчжурию нет единства мнений: 1919 г. («Сибирская Советская Энциклопедия»), 1920 г. («Литературное наследие Сибири») и явно неверная — 1921 г. («Народы Азии и Африки»). 1990, № 4, с. 124). По одним данным («Сибирская Советская Энциклопедия»), он вернулся на Родину в 1922 г., по другим («Литературное наследие Сибири») — в 1923 г.

¹³ Об этом см.: Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1926, вып. 1, с. 80—82; Наука и научные работники СССР. Ч. VI, с. 178.

¹⁴ *Козьмин Н. Н.* Хакасы. Историко-этнографический очерк Минусинского края. Иркутск, 1925.

¹⁵ Там же, с. V—VI.

¹⁶ Н. Н. Козьмин считал, что термин «хакас» является передачей местного слова «карагас», а не «кыргыз». Этой же точки зрения придерживался и такой крупный тюрколог, как С. Е. Малов. См.: *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1954, с. 7. Попутно заметим, что дискуссии об этнониме «хакас» не прекращаются и в наши дни. Подробнее см.: ЭО, 1992, № 2, с. 52—76; *Бутанав В. Я.* Этническая история хакасов XVII—XIX вв. М., 1990.

¹⁷ Подробнее об этом: *Козьмин Н. Н.* Князь Иренак (Эпизод сибирской истории). — Сибирские записки. 1916, № 1, с. 41—58; *он же.* Хакасы, с. 49—75.

¹⁸ *Бахрушин С. В.* Енисейские киргизы в XVII в. — *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. III, ч. II. М., 1955, с. 176—224.

¹⁹ *Потапов Л. П.* Исторический путь развития хакасов. — Известия ВГО, т. 83, № 5. Л., 1951, с. 486—487; *он же.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, с. 4—8.

²⁰ «Небольшая книжка Н. Н. Козьмина "Хакасы" (историко-этнографический очерк), изданная в 1925 г. в г. Иркутске, — утверждает, например, Л. П. Потапов, — написана с антинаучных националистических позиций и извращает историческое прошлое хакасов. Порочная идейно-теоретическая основа, крайне неполный и порою неполноценный фактический материал делают эту книжку совершенно неприемлемой» (*Потапов Л. П.* Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952, с. 3).

²¹ *Левин М. Г.* и *Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. — СЭ. 1955, № 4, с. 3—17.

²² *Козьмин Н. Н.* Хакасы, с. 183.

²³ В этой серии одновременно с книгой Н. Н. Козьмина увидели свет небольшие монографии М. К. Азадовского («Беседы собирателя», изд. 2-е, испр. и доп.) и И. В. Соснина («Торговля и кооперация на Лене»); готовилась к печати работа П. Ф. Требуховского «Краеведение и детский рисунок».

²⁴ *Козьмин Н. Н.* К вопросу о происхождении якутов-сахалар. — Очерки по изучению Якутского края. Вып. 2. Иркутск, 1928, с. 5—14.

²⁵ *Ксенофонтов Г. В.* Ураанхай сахалар. Очерки по древней истории якутов. Иркутск, 1937.

²⁶ *Козьмин Н. Н.* Какие права имеют якуты на Охотское побережье? — Северная Азия. Кн. 2. М., 1926, с. 85.

²⁷ См., например: *Румянцев Г. Н.* Труды Б. Я. Владимирцова по истории монголов. — Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б. Я. Владимирцова. М., 1958, с. 72.

²⁸ *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. Книга была доброжелательно встречена советской науч-

ной общественностью, и вскоре стали появляться ее переводы на иностранные языки.

²⁹ *Погорельский П. и Батраков В.* Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930.

³⁰ *Хантаев П. Т.* Оседание бурят Агинского аймака. — Вопросы оседания кочевников. Сб. статей и материалов под ред. С. М. Диманштейна. М., 1932, с. 62—76.

³¹ *Потапов Л. П.* Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933.

³² *Козьмин Н. Н.* К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М. — Иркутск, 1934.

³³ См., например: *Казакевич В. А.* Проблемы истории Монголии и Южной Сибири в новом освещении. [Рец. на:] *Проф. Н. Н. Козьмин.* К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М. — Иркутск, 1934. — СЭ. 1934, № 5, с. 112—117.

³⁴ В частности, подробнее см. там же.

³⁵ *Кузьмин Ю. Н.* Н. Н. Козьмин (1872—1939). — Новости Монголии. 07.01.1990.

³⁶ *Казакевич В. А.* [Рец. на:] *Проф. Н. Н. Козьмин.* Проблемы...

³⁷ *Козьмин Н. Н.* Классовое лицо «Атасы» Йоллыг-тегина, автора орхонских памятников. — Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Сб. статей. Л., 1934, с. 259—277.

³⁸ К истории Бурят-Монголии. Материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. в Улан-Удэ. М. — Л., 1935, с. 7.

³⁹ Там же, с. 53.

⁴⁰ Там же, с. 61. Не исключено, что такие взгляды сложились у Н. Н. Козьмина под влиянием М. Н. Покровского. См.: *Н. К. Бродячие инородцы.* — Сибирская Советская Энциклопедия. Т. 1, 1929, стб. 393—394. Представляется, что автор этой статьи — сам Н. Н. Козьмин.

⁴¹ К истории Бурят-Монголии..., с. 57. Тему своего отношения к марксизму Н. Н. Козьмин затрагивал и в письме к М. К. Азадовскому 19 июля 1934 г.: «По ходу работы над феодализмом, еще и составляя лекции по античной истории (я Вам не писал, что я заделался античником?), я довольно много продумывал схемы Маркса. Маркс был против „отмычек“, и все-таки его теория грубовато подчас, но блестяще отмыкает некоторые вещи, находящиеся "под семью замками" для буржуазной историографии. Я теперь с увлечением в свободные (редкие!) минуты предаюсь этому занятию отмыкания.

Я недооценивал прежде марксистского методологического устоя — классовый борьбы. Конечно, классовая борьба и есть история человечества за исторический период жизни. А доисторической жизни мы, надеюсь, никогда не узнаем.

Все это приобретает в свете этой теории замечательное единство и простоту...

Увлекательная работа. Я перевожу историю Центральной Азии на марксистские рельсы. Есть уже ряд очерков, набросков...» (Литературное наследство Сибири. Т. I. Новосибирск, 1969, с. 270).

⁴² К истории Бурят-Монголии..., с. 61.

⁴³ *Козьмин Н. Н.* Афанасий Прокопьевич Шапов (По поводу 25-летия со дня смерти). Иркутск, 1902; *он же.* Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае. — Известия ВСОРГО, 1916. Т. 45. (Иркутск, 1917), с. 35—64.

⁴⁴ *Козьмин Н. Н.* Библиография. Пугачевщина в Сибири. — Известия ВСОРГО. 1901. Т. 32, вып. 1—2, с. 141—146.

⁴⁵ *Козьмин Н. Н.* Библиографический указатель литературы и источников по истории бурятского народа, составленный Н. Н. Козьминым, отчасти по материалам М. Н. Богданова. — *Богданов М. Н.* Очерки истории бурятского народа. Верхнеудинск, 1926, с. 184—191.

⁴⁶ Козьмин Н. Н. История сибирской промышленности и ее изучение. — Известия ВСОРО, 1928. Т. 53, с. 81—85.

⁴⁷ Козьмин Н. Н. Из прошлого Сибири (Бывший генерал-губернатор Восточной Сибири С. Б. Броневский и его мемуары). — Известия ВСОРО, 1903. Т. 34, № 1 (Иркутск, 1904), с. 97.

⁴⁸ Козьмин Н. Н. Исторический очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. — Известия ВСОРО, 1904, Т. 35, № 2 (Иркутск, 1908), с. 1—43.

⁴⁹ Там же, с. 6.

⁵⁰ Там же, с. 13.

⁵¹ Там же, с. 31.

⁵² Там же, с. 43.

⁵³ Северная Азия. Кн. 2. М., 1927, с. 112.

⁵⁴ Жизнь Бурятии. 1924, № 4—5, с. 87.

⁵⁵ Там же, с. 88.

⁵⁶ Там же, 1924, № 6, с. 136—137.

⁵⁷ Подробнее см.: Мункоев И. М. Год работы Бурят-Монгольской секции ВСОРО. — Бурятоведческий сборник. Вып. I. Иркутск, 1926, с. 80—82.

⁵⁸ Корректра IV тома сохраняется в справочно-библиографическом отделе Российской Национальной библиотеки в Петербурге.

⁵⁹ Энциклопедия Дальневосточного края. Проспект словника. Хабаровск, 1930.

⁶⁰ Радлов В. В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Пер. с нем. Н. Н. Козьмина. Иркутск, 1929.

⁶¹ См., например: Вайнштейн С. И., Кляшторный С. Г. В. В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов. — Тюркологический сборник. 1971. М., 1972, с. 22.

⁶² Осон К. (Д'Оссон). История монголов. От Чингис-хана до Тамерлана. Пер. и предисл. Н. Козьмина. Т. I. Чингис-хан. Иркутск, 1937.

⁶³ В литературе встречается утверждение, что Н. Н. Козьмин был арестован в конце 20-х или в 30-е годы. — Народы Азии и Африки. 1990, № 4, с. 124.

⁶⁴ Данные о времени ареста и смерти сообщены автору Управлением КГБ по Иркутской области. (Письмо начальника подразделения УКГБ В. П. Гаврилова от 25 апреля 1991 г.) Пользуясь случаем, благодарю Управление КГБ (ныне ФСБ) по Иркутской области за помощь в работе. В литературе встречается и другая дата кончины Н. Н. — 1939 г. — Кузьмин Ю. Н. Н. Козьмин (1872 — 1939). — Новости Монголии. 07.07.1990.

⁶⁵ Задержка с реабилитацией Н. Н. Козьмина, возможно, объясняется тем, что к 1950-м годам не осталось в живых его близких родственников. Между тем по поводу реабилитации в прокуратуру или Верховный Совет СССР обычно обращались родственники осужденных и погибших. Инициативу в этом вопросе взял на себя ректорат Иркутского университета, направивший 11 марта 1994 г. в областную прокуратуру запрос о реабилитации проф. Козьмина. 18 мая 1994 г. Н. Н. Козьмин был официально реабилитирован. См. Свинин В. В. Профессор ИГУ Н. Н. Козьмин: его имя и книги вернулись к нам. — Иркутский университет. 25.09.1996 (примеч. ред.).

⁶⁶ См., например: Азадовский М. К. Этнография в Сибири. Обзор этнографических исследований в Сибири за 1918—1925 гг. — Северная Азия. Кн. 5—6. М., 1926, с. 111—132; Сибирская Советская Энциклопедия. Т. I. Новосибирск, 1929, стб. 543—548.

⁶⁷ См., например: История Бурятской АССР. Т. II. Улан-Удэ, 1959, с. 682; Кыласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984, с. 60—61; Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989, с. 586.

⁶⁸ *Козьмин Н. Н.* Хозяйство и народность. — Сибирская живая старина. 1927. Вып. VII. (Иркутск, 1928), с. 1—22.

⁶⁹ Там же, с. 1.

⁷⁰ Там же, с. 22.

⁷¹ *Козьмин Н. Н.* Туземная интеллигенция Сибири. — Сибирская живая старина. Вып. I, (Иркутск, 1923), с. 75.

⁷² Литературное наследство Сибири, с. 268. Н. Н. Козьмина глубоко волновали судьбы сибирских аборигенов. Подробнее см.: *Козьмин Н. Н.* К вопросу о вымирании инородцев. — Сибирские записки. Красноярск, 1916. № 2, с. 99—108; *Ландарма.* По поводу писем Н. М. Ядринцева. — Там же, с. 71—78; *Кузьмин Н. Н.* Кто такие камасинцы? — Сибирская живая старина. 1929. Вып. 8—9, с. 193—197.

⁷³ Литературное наследство Сибири, с. 267.

⁷⁴ См., например: *Шейнфельд М. Б.* Творческий путь Н. Н. Козьмина. — Вопросы этнографии Хакасии. Абакан, 1981, с. 163—184.

⁷⁵ По понятным причинам сколько-нибудь полный архив ученого не сохранился. Было бы большим счастьем, если бы в других архивах нашлись какие-либо неопубликованные работы, письма Н. Н. Козьмина. Будем надеяться на удачные поиски!